

СЕВАНДЕР Стелла Милтоновна / SEVANDER Stella

Независимый исследователь / Independent scholar

Швеция, Умео / Sweden, Umeå

stella.sevander@gmail.com

РЕЦ. НА КН.: Злобина В. Растоптанные идеалы: Канадская девочка за железным занавесом / Пер. с англ. Марии Койвестойнен. Хельсинки: Nord Print Oy, 2019. 102 с.

REVIEW OF: Vieno Zlobina, *Rastoptannye idealy. Kanadskaia devochka za zheleznyim zhanavesom*, trans. Maria Koivestoinen (Helsinki: Nord Print Oy, 2019), 102 p.

Ключевые слова / Keywords: Советская Карелия, иммиграция, канадские финны, коммуна «Сяде» / Soviet Karelia, immigration, Canadian Finns, the *Säde* commune

Книга Виено Елисеевны Злобиной (1919–2020) «Растоптанные идеалы: канадская девочка за железным занавесом»¹ увидела свет в год столетнего юбилея автора в 2019 г. Этот факт, примечательный сам по себе, многое может объяснить и в судьбе автора, и в истории публикации книги на русском языке.

Мемуары В. Е. Злобиной посвящены памяти её родителей Элиса и Эммы Ахокас. Автор пишет в предисловии: «Моя цель — описать добрые намерения небольшой группы канадских финнов из Кобальта, Северного Онтария, которые отправились в Советский Союз, чтобы осуществить свои мечты о Братстве, Свободе и Равенстве и принять участие в строительстве социалистического рабочего государства. Никто не мог предвидеть тех испытаний, которые ожидали этих сильных, верных делу рабочих в далёком, незнакомом Советском Союзе»².

Первой публикацией на эту тему стала небольшая статья, опубликованная в литературно-художественном журнале «Север» (г. Петрозаводск) в 1990 г. Статья называлась «Как погасили луч»³. За этой краткой и меткой метафорой открывалась драматическая судьба сельскохозяйственной коммуны, основанной иммигрантами из Канады в Советской Карелии. Коммуна называлась *Säde*, что в переводе с финского означает «Луч».

К сожалению, у издания этих мемуаров долгая история. Готовая рукопись книги многие годы пролежала без движения, автору так и не удалось найти издателя в Канаде, где она жила в период 1989–2014 гг. Несмотря на то, что языком мемуаров был выбран английский, попытка выйти на читательскую аудиторию в Канаде так и не состоялась. И только в 2015 г., когда В. Е. Злобина вернулась после смерти мужа в Эстонию, к родным, планы по изданию книги стали постепенно осуществляться.

Сотрудники Миграционного Института Финляндии, с которыми был налажен контакт, с уважением к преклонному возрасту автора на добровольных началах

---

¹ Злобина В. Растоптанные идеалы: Канадская девочка за железным занавесом. Хельсинки, 2019.

² Там же. С.7.

³ Злобина В. Как погасили луч // Север. 1990. № 7.

осуществили перевод мемуаров с английского языка на финский. В роли переводчиков выступили Оути Лепола, Юханна Лейнонен, Эвелина Люютинен и Элина Турьянмаа. Автор предисловия перевода мемуаров на финский — профессор Петер Кивисто, США. В рекордный срок Институт издал мемуары Злобиной как на финском⁴, так и на английском языке⁵.

К тому времени, когда мемуары В. Е. Злобиной были опубликованы, список мемуарной литературы об иммиграции североамериканских финнов в Советский Союз в 1920–1930-х гг. был уже достаточно внушительным⁶. Рецензируемая книга пополнила его, став ещё одним источником изучения жизни североамериканских финнов в Карелии. Авторы этих воспоминаний объединяет несколько важных моментов. Все они были уроженцами США или Канады, все приехали со своими родителями в Советский Союз примерно в одном, раннем подростковом, возрасте. Все реэмигрировали из России в 1990-х гг.

Нетрудно представить, что их жизненный опыт, насчитывающий более пяти десятков лет в Карелии, был примерно идентичен. Не всех, но многих семей коснулись репрессии 1930-х гг., жертвами которых стали в основном представители старшего поколения. Их реабилитация проходила как бы в два этапа: первый раз в период 1956–1961 гг. в свидетельствах о смерти были фальсифицированы причина и время смерти, у властей ещё не хватало мужества сказать, как это было на самом деле. Позднее, в начале 1990-х гг., уже точно указывались причина смерти (расстрел) и год — как правило, 1937-й или 1938-й. Таким образом, многим авторам мемуаров, уроженцам североамериканского континента, выпало на долю побывать в роли детей врагов народа, а позже пройти через испытания военного времени порой в самых трагических их проявлениях. Не обошла их и послевоенная дискриминация по национальному признаку: она проявилась прежде всего в ограничении возможностей трудоустройства, а также в запрете на учёбу в столичных вузах. Тем не менее трудовой стаж в Карелии многих бывших иммигрантов насчитывал более четырёх десятков лет, так что стоит подчеркнуть их немалый вклад в экономику, культуру и образование Карелии.

Вспоминается документальный фильм *The Survivors* («Те, кто выжил»), созданный американской супружеской парой Анитой и Леном Мидлтон в начале 1990-х гг. В основе фильма — интервью, взятые у живших тогда в Петрозаводске североамериканских финнов. На вопрос продюсера фильма, заданный Дагнэ

---

⁴ Zlobina V. Heidän ihanteensa murskattiin: Tyttären tarina Säde-kommuunasta Neuvosto Karjalassa. Turku, 2017.

⁵ Eadem. Their Ideals were Crushed: A Daughter's Story of the Säde Commune in Soviet Karelia. Turku, 2017. URL: <https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/178113/J-08-ISBN-978-952-7167-22-9-Their-Ideals-Were-Crushed-2017-Migration-Institute-of-Finland-2017.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (24.12.2021).

⁶ См., например: Sevander M., Hertzgel L. They Took My Father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth, 1992; Sevander M. Red Exodus. Duluth, 1993; Eadem. The Soviet Bondage: Sequel to Red Exodus. Duluth, 1996; Ranta K. Arpi korvassa ja sydämessä. Helsinki, 2000; Kupri I. Irman tarina: Kanadan suomalaisen Irma Kuprin matka Kanadasta Neuvostoliittoon ja Venäjältä Suomeen. Turku, 2012.

Артуровне Сало, заслуженному педагогу, преподавателю педагогического института, не жалеет ли она о том, что они приехали в Карелию, она даёт лаконичный ответ: «Вы можете дать нам другую жизнь?.. Нам жаль, но это наша жизнь».

Думается, что мемуары В. Е. Злобиной дают более обстоятельный ответ на этот же вопрос. Они именно о целой жизни североамериканских финнов в Советском Союзе. Но у каждой семьи своя история, по меткому выражению Мейми Оскаровны Севандер, также автора мемуаров на данную тему, — «своя Библия».

Воспоминания В. Е. Злобиной можно выделить, как нам представляется, из общего контекста мемуарной литературы по двум пунктам. Во-первых, уже в подзаголовке обращают на себя внимание слова «канадская девочка». Если другие авторы мемуаров уже были подростками при отъезде в Советский Союз, проучившись шесть или семь лет в школах США и Канады, то Виено видит впервые новую для неё страну глазами ребёнка — ведь ей было всего шесть лет. Во-вторых, и в этом, безусловно, особая ценность и значимость её воспоминаний, автор — дочь Элиса и Эммы Ахокас, одних из основателей сельскохозяйственной коммуны «Сяде». Она из первых рук рассказывает историю становления, процветания и уничтожения коммуны. Столь подробного описания новой жизни и занятости иммигрантов в сельском хозяйстве Карелии мы не находим у других авторов.

Канадские коммунары приехали в Карелию тремя группами. Семья Ахокас была в составе восьми человек второй группы, оставившей Канаду весной 1926 г. Первая делегация из четырёх человек прибыла осенью 1925 г., их задача была найти подходящее для коммуны место. Как впоследствии выяснилось, оно оказалось не самым удачным. Не случайно автор называет его *кадайкко*, что по-карельски означает «можжевеловая поросль». Первые коммунары привезли с собой трактор, пилорамы, циркулярные пилы, а также другие инструменты, приобретённые на собранные в Канаде средства. Последние шесть человек из Кобальта присоединятся к своим землякам в 1927 году, значительно пополнив парк сельхозтехники: привезли ещё один трактор, молотилку, мельницу и прочие сельскохозяйственные машины. Появление иностранцев в маленьком провинциальном городке Олонец было огромной сенсацией, но настоящий восторг был вызван появлением трактора на местных полях. Детская память воспроизводит реакцию собравшихся вокруг трактора: «Иди смотреть! Железный конь! Он пашет как чёрт!». А далее автор как бы подтверждает это цитатой из газеты «Пунайнен Карьяла» от 15 июня 1926 года: «Впервые на олонецких полях появился трактор. Собралась большая толпа посмотреть, как он работает, люди были в восторге от увиденного»⁷.

В небольшой главе «Руководство, распределение обязанностей и повседневная работа»⁸, имеющей ключевое значение для понимания того, что из себя представляла коммуна, автор рассказывает, как ежедневный ход дел регулировался правлением коммуны, члены которого наравне с другими занимались повседневным

⁷ Злобина В. Растоптанные идеалы. С. 25.

⁸ Там же. С. 26–29.

трудом. Первыми председателями коммуны были Калле Лахти и Калле Сийканен. Второй оставался на посту до 1935 г., в то время как Калле Лахти в 1929 г. был направлен региональным правительством в другие районы Карелии для оказания помощи при создании местных колхозов.

В коммуне была четкая организация труда: люди работали в тех областях, где наиболее целесообразно было использование их знаний и навыков. И ещё один принцип, очень напоминающий коммунистический — от каждого по способностям, каждому по труду. Объём работы не был установлен. Каждый трудился, прилагая максимальные усилия в своём темпе. Рабочий день начинался в семь утра, заканчивался в шесть вечера; организация трёхразового питания (завтрак в 7.00, обед в 12.00, ужин в 18.00) также входила в обязанности членов коммуны. Автор справедливо отмечает, что правительство Карелии не только внимательно следило за работой коммуны, но и оказывало финансовую поддержку в форме освобождения от налогов в течение первых пяти лет, а также предоставления кредита. Отношения с местным населением постепенно налаживались, местные крестьяне начинали видеть в канадцах не «капиталистов», приехавших из далекой Америки, а таких же тружеников, как они сами. Вскоре к коммунарам присоединились пять местных девушек.

Превращение северных пустошей в плодородные поля потребовало невероятных усилий от коммунаров. Отец Виено, Элис Ахокас, отвечал за обработку земли. Он разработал систему дренажа. В общей сложности на землях коммуны вырыли двадцать километров канав. На основе анализа местных условий члены «Сяде» пришли к выводу, что наиболее выгодным использованием их земель будет молочное животноводство. Поэтому и было закуплено стадо породистых коров из Финляндии⁹.

К 1929 г. результаты достижений коммуны были очевидны: «У нас было три жилых дома, кухня с большой столовой, пекарня, сауна, коровник, свинарник, конюшня, силосная башня, кузница, лесопилка, гараж, склад для картофеля и овощей, рига, зернохранилище, молочная кухня и восемь сараев для сена на полях. Была построена дорога с тротуаром в Олонец. От Олонецкой электростанции до коммуны были протянуты линии электропередач. Коммунары прижились на своей новой Родине. ... Жили скромно, ели обычную пищу и имели низкий доход, но верили в лучшее будущее»¹⁰. Годовой удой от лучших коров составлял 3370 кг и в среднем 2500 кг, а удой местных коров был в среднем лишь 800 кг. Автор также приводит сравнительные показатели по урожайности зерновых в коммуне, с одной стороны, и у местных крестьян с другой: овёс 3670 кг против 930 кг, ячмень 2538 кг против 800, клевер 4600 против 2620 и т. д.¹¹

---

⁹ Там же С. 34.

¹⁰ Там же С. 40.

¹¹ Там же С. 41.

Трудно обойти вниманием эпизод, посвящённый сотрудничеству с Ленинградской сельскохозяйственной академией¹². Воодушевлённые хорошими урожаями озимой пшеницы, коммунары были готовы попробовать свои силы в выращивании яровой с учетом новых научных подходов. Результат впечатлил: урожай был на 50% выше, чем в более южных районах. Самый невероятный урожай был в 1934 г.

Коммуна росла, расширялась, во-первых, за счет семей местных крестьян, примкнувших к ней. Для тех из них, кому не доставало средств для уплаты членского взноса, в коммуне был создан специальный фонд. Вторым источником роста коммуны были семьи североамериканских финнов, позднее прибывшие в Карелию.

Для объективности оценки деятельности коммуны автор отсылает к книге Ивана Петрова, агронома Союза колхозников Карелии, где Петров подводит важный идеологический итог: «члены коммуны провели замечательную работу по строительству социалистического хозяйства»¹³. Судя по всему, слава о «Сяде» распространялась и за пределами республики. В гостях у коммунаров побывали не только хозяйственники или журналисты, но и такие известные писатели, как Мартин Андерсен-Нексе из Дании и Илья Эренбург, а также художник из Германии Генрих Фогелер и русская художница Ольга Жудина¹⁴.

В начале тридцатых годов ускоряются темпы коллективизации в Карелии. С одной стороны, члены коммуны «Сяде» принимали активное участие в пропаганде коллективного труда в сравнении с индивидуальным сельским хозяйством. К примеру, в Олонце и соседней деревне Наннула с их помощью были созданы две сельскохозяйственные коммуны. Но, с другой стороны, видя слабую материальную базу карельских колхозов, примитивные методы организации труда, низкую заработную плату колхозников и т. п., коммунары нередко высказывали своё мнение о неэффективности такого рода хозяйств. Одним из критиков был и Элис Ахокас, отец автора мемуаров. По его мнению, правительство зря тратило деньги на поддержку слабых колхозов. Частные хозяйства могли бы быть гораздо эффективнее, если бы их поддерживало правительство. Впоследствии подобное заявление было расценено как неприемлемое и послужило поводом для исключения Элиса Ахокаса из партии¹⁵.

В главе «Работа с властями»¹⁶ автор акцентирует внимание на неоднозначных, сложных взаимоотношениях коммунаров с властью. С одной стороны, коммуна становится предметом гордости местных властей, хозяйство «Сяде» называют образцовым, призывают других равняться на него, при этом приписывая все заслуги большевистскому стилю работы под руководством Коммунистической партии. С другой стороны, коммуне часто отказывают в необходимой помощи, например,

---

¹² Там же С. 47–48.

¹³ Там же С. 41.

¹⁴ Там же С. 29.

¹⁵ Там же С. 43.

¹⁶ Там же С. 49–51.

в продаже одежды, обуви и даже махорки. С течением времени власти всё больше начинают вмешиваться в дела коммуны, спуская планы, несовпадающие с планами коммуны, давая полные противоречий указания, часто задерживая выплату кредитов. Кроме того, чиновники диктуют квоты, цены и сроки поставок. Государство приобретает продукцию по ценам ниже рыночных на 100% и более. В 1931 г. коммуна недополучила оплату за 40 000 литров молока, 70 поросят и 8 000 кг зерна. «В Америке мы работали на капиталистов, а здесь на начальство из правительства» — всё чаще возникали подобные мысли у коммунаров¹⁷.

По указанию органов власти в 1933 г. коммуна была преобразована в колхоз. Было введено новое для коммунаров понятие «трудодень» (единица оплаты труда в колхозах). В 1933 году он включал в себя 5 необлагаемых налогом рублей, 5 кг пшеницы, 40 г мёда и 50 г масла. Эти значительные доходы были основаны на капитале, который ранее был сформирован членами коммуны¹⁸.

По-настоящему тяжёлые для республики времена, как описывает автор, наступают в середине тридцатых годов. Лидеры коммуны были ликвидированы, нагнетаются обвинения в финском буржуазном национализме. Судьба семьи Ахокас — частное подтверждение общей трагедии народа в эпоху репрессий. Шестнадцатилетняя Виено Ахокас получает в Петрозаводске, где она училась, письмо от матери, в котором та сообщает дочери об аресте отца вместе с двумя другими коммунарами, руководителем коммуны К. Сийканеном и Ю. Ниemi. Письмо пришло из деревеньки под села Сорока (ныне — город Беломорск), где высланные члены семей арестованных, в основном женщины, работали на лесопильном заводе. Состояние юной Виено, будущего автора мемуаров, симптоматично: «Каждый следующий день был наполнен страхом и неуверенностью. Я никому не доверяла, боялась, что на меня поставят клеймо дочери врага народа»¹⁹.

Однако аресты и ссылки для коммунаров и членов их семей на данный момент как будто завершились благополучно. По определению историков, аресты 1935 г. носили скорее предупредительный, устрашающий характер²⁰. Надломленные, но всё-таки решительно настроенные продолжить своё дело в «Сяде» люди возвращаются в коммуны, созданную ими. Сначала вернулась из села Сорока мать, а позже и отец Виено.

Количество североамериканцев — членов коммуны стало к этому времени значительно меньше, но казалось, что жизнь возвращается в своё русло. 1937 г. поначалу казался на удивление успешным в сравнении с предыдущими годами. Коммуна была самодостаточной. Автор вспоминает, как её отец мечтал о процветающем сельском хозяйстве на юге Карелии: «Мы хотим показать на

---

¹⁷ Там же С. 51.

¹⁸ Там же С. 72.

¹⁹ Там же. С. 87.

²⁰ Голубев А. В., Такала II. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Авт. пер. с англ. А. С. Роговой. СПб., 2019. С. 253.

практике, где карельский хлеб и где будущее. Поле, засеянное зерном, похоже на любимого ребёнка, о котором надо заботиться»²¹.

Однако осенью 1937 г. все мечты и планы рухнули в бездну. Этот и последующий 1938 г. вошли в историю Карелии как самые кровавые годы сталинского террора. В соответствии с приказом НКВД от 30.07.1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов» предписывалось начать и завершить операцию в четырёхмесячный срок²². Членов коммуны «Сяде» тоже не пощадили. Виено, которой только что исполнилось восемнадцать, стала свидетелем того, как посреди обычного рабочего дня 27 ноября во двор коммуны въехал грузовик, на борту которого были милиционеры и матросы. Они собрали мужчин коммуны по своему списку и объявили, что те находятся под арестом. В числе арестованных — вновь её отец Элис Ахокас. «Арестантов некоторое время удерживали в конторе, а затем их посадили в грузовик. Они окинули взглядом двор, словно прощаясь с тем, что успели построить. Напоследок с горечью посмотрели на нас. Мы стояли, онемев от ужаса, и смотрели, как наших близких увозили из дома. <...>. Я стала дочерью врага народа»²³. Эмма Ахокас, мать Виено, стала женой репрессированного. Так не стало семьи Ахокас...

Вся документация коммуны, написанная на финском языке «националистами и врагами народа», была сожжена новыми руководителями на следующий же день. Очередным шагом искоренения памяти о «Сяде» стало переименование коммуны в колхоз имени Папанина. Как позже напишет автор, «так был погашен яркий луч “Сяде”» — коммуны, созданной финнами из Северного Онтария, мечтавшими принять участие в строительстве рабочего социалистического государства.

Представляется, что Виено Елисеевна Злобина адресовала свои мемуары прежде всего зарубежному читателю. Об этом свидетельствуют небольшие экскурсы как в историю Советского Союза в целом (НЭП, коллективизация, общественные советские организации, вербовка иностранной рабочей силы как часть национальной политики 1920–1930 гг.)²⁴, так и конкретно Карелии (1920-е гг. АКССР и правительство Э. Гюллинга, организация народного образования Карелии на двух языках, «тройка» по-карельски 1937–1938 гг.)²⁵. Автор сочла необходимым, хотя и в очень сжатой форме, познакомить читателя с православными традициями и обычаями, такими, к примеру, как празднование Рождества и Пасхи среди карел²⁶. Для российского читателя эти экскурсы могут показаться излишними, так как в них представлены хорошо известные исторические факты, но зарубежному читателю они помогают сориентироваться в малознакомом историческом контексте.

²¹ Злобина В. Растоптанные идеалы. С. 89.

²² Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо. С. 259.

²³ Злобина В. Растоптанные идеалы. С. 92.

²⁴ Там же. С. 19–20, 41–42, 53, 75–77.

²⁵ Там же. С. 18–19, 36–37, 72–73, 90–91.

²⁶ Там же. С. 31–32.

Повествование об истории коммуны «Сяде» дополняют фотографии из коллекции Национального архива Карелии, а также из личного семейного архива семьи Злобиных. Примечательно, что в книге представлены фотографии предметов искусства, созданных в «Сяде»: портреты Элиса Ахокаса и Калле Сийканена, написанные ленинградской художницей Ольгой Жудиной, а также три акварели Генриха Фогелера.

Наиболее удачно освещены в мемуарах В. Е. Злобиной вопросы национальной и языковой политики того времени. Теоретически эти вопросы основательно изложены в лекции И. Такала «Финский язык в России — история и судьба»²⁷. Исследователь подробно останавливается на том, насколько сложной и неоднозначной была языковая политика в 1920–1930 гг. в Карелии, разъясняет, что из себя представляли насильственная финнизация, карелизация, «карело-финский язык», как, когда и почему менялся статус русского, финского и карельского языков. Из мемуаров Виено Елисеевны мы узнаём, как эта политика отразилась на судьбе самого автора и его поколения: от запрета на финский язык — к экспериментам с карельским, вновь к финскому и созданию в университете финно-угорского отделения с последующим его закрытием.

Небольшой книге воспоминаний В. Е. Злобиной повезло. Как указывалось выше, она одновременно увидела свет на финском и на английском языках, а немного позже и на русском. Не сомневаюсь, что книга с большим интересом может быть прочитана в Карелии и сегодня. Может быть, кто-то найдёт в ней имена своих предков, примкнувших некогда к канадским интернационалистам-коммунарам. Все названы поименно. В книге много цифр, правда, не всегда с точностью совпадающих с цифрами историков. Но на строгую научность автор и не претендовала.

В упомянутом выше предисловии автор отмечает, что для истории Канады и Советского Союза описываемые ею события незначительны²⁸. С этим можно согласиться лишь отчасти. История «Сяде», рассказанная Виено Злобиной — это небольшой, но важный вклад в изучение истории иммиграции североамериканских финнов в советскую Карелию, долгое время остававшейся малоизвестным эпизодом глобальной истории.

Список литературы

Голубев, А. В. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / А. В. Голубев, И. Р. Такала ; авт. пер. с англ. А. С. Роговой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 351 с.

Злобина, В. Растоптанные идеалы : канадская девочка за железным занавесом / В. Злобина. — Хельсинки : Nord Print Oy, 2019. — 102 с.

²⁷ Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба: Лекция. Петрозаводск, 2010 г. URL.: [\(3\) \(PDF\) Финский язык в России: история и судьба. Лекция. | Irina Takala - Academia.edu](#) (4.11.2021).

²⁸ Злобина В. Растоптанные идеалы. С. 7.

Злобина, В. Как погасили луч / В. Злобина // Север. — 1990. — №7. — С. 157–160.

Такала, И. Р. Финский язык в России : история и судьба : лекция / И. Р. Такала. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2010. — URL: [\(3\) \(PDF\) Финский язык в России: история и судьба. Лекция. | Irina Takala - Academia.edu](#) (4.11.2021).

Kupri, I. Irman tarina. Kanadan suomalaisen Irma Kuprin matka Kanadasta Neuvostoliittoon ja Venäjältä Suomeen / I. Kupri. — Turku : Siirtolaisuusinstituutti, 2012. — 136 s.

Ranta, K. Arpi korvassa ja sydämessä : muistelmia ja mietelmiä myrskyisän vuosisatamme historian pyörteissä tuhlatusista elämästä / K. Ranta. — Helsinki : WSOY, 2000. — 455 s.

Sevander, M. They Took My Father : a Story of Idealism and Betrayal / M. Sevander, L. Hertzell. — Duluth : Pfifer-Hamilton, 1992. — 190 p.

Sevander, M. Red Exodus / M. Sevander. — Duluth : Oscan, 1993. — 232 p.

Sevander, M. The Soviet Bondage : Sequel to Red Exodus / M. Sevander. — Duluth : Oscan, 2006. — 157 p.

Zlobina, V. Heidän ihanteensa murskattiin : tyttären tarina Säde-kommuunista Neuvosto Karjalassa / V. Zlobina. — Turku : Painosalama Oy, 2017. — 116 s.

Zlobina, V. Their Ideals were Crushed : a Daughter's Story of the Säde Commune in Soviet Karelia / V. Zlobina. — Turku : Painosalama Oy, 2017. — 115 p. — URL: <https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/178113/J-08-ISBN-978-952-7167-22-9-Their-Ideals-Were-Crushed-2017-Migration-Institute-of-Finland-2017.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. — (24.12.2021).